

Карлсон,

который живёт
на крыше,
проказничает опять

W. Machon

Карлсон, который живет на крыше

Астрид Линдгрен

**Карлсон, который живет на
крыше, проказничает опять**

«Азбука-Аттикус»

1968

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)

Линдгрэн А.

Карлсон, который живет на крыше, проказничает опять /
А. Линдгрэн — «Азбука-Аттикус», 1968 — (Карлсон, который
живет на крыше)

ISBN 978-5-389-06996-1

Ни мама, ни папа, ни ты – никто не может съесть сразу целую банку варенья. А вот маленький толстый человечек Карлсон может. Он живет на крыше многоэтажного дома и прилетает к своему другу Малышу, чтобы полакомиться и пошалить. Обзывает домоправительницу фрекен Бок "домомучительницей" и таскает вместе с Малышом у нее сладкие плюшки. Им не скучно вдвоем, как не скучно будет и вам при чтении этой замечательной и доброй сказки.

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)

ISBN 978-5-389-06996-1

© Линдгрэн А., 1968
© Азбука-Аттикус, 1968

Содержание

Каждый имеет право быть Карлсоном	7
Карлсон вспоминает, что у него день рождения	18
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Астрид Линдгрэн

Карлсон, который живет на крыше, проказничает опять

ASTRID LINDGREN

Karlsson på taket smyger igen

1968

First published in 1968 by Rabén & Sjögren, Sweden.

For more information about Astrid Lindgren, see www.astridlindgren.com.

All foreign rights are handled by The Astrid Lindgren Company, Lidingö, Sweden.

For more information, please contact info@astridlindgren.se

© Text: Astrid Lindgren, 1968 / The Astrid Lindgren Company

© Лунгина Л.З., наследники, перевод на русский язык, 2018

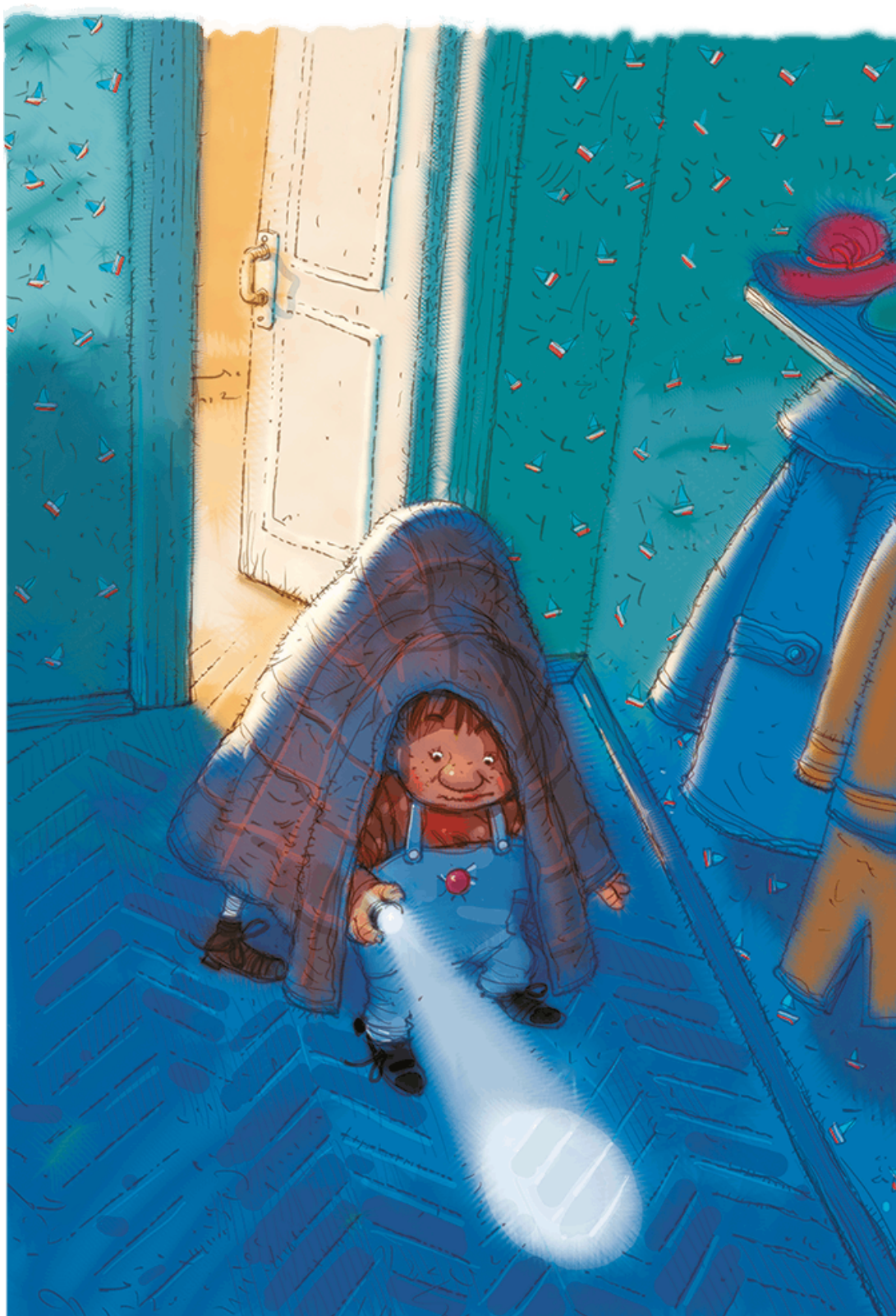
© Джаникян А.О., иллюстрации, 2018

© Оформление, издание на русском языке.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2018

Machaon®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Каждый имеет право быть Карлсоном

Однажды утром спросонья Малыш услышал взволнованные голоса, доносившиеся из кухни. Папа и мама явно были чем-то огорчены.

– Ну вот, дождались! – сказал папа. – Ты только погляди, что написано в газете. На, прочти сама.

– Ужасно! – воскликнула мама. – Просто ужас какой-то!

Малыш мигом соскочил с постели. Ему не терпелось узнать, что же именно ужасно. И он узнал.

На первой странице газеты огромными буквами был набран заголовок:

«Что это: летающий бочонок или нечто другое?»

А под заголовком – статья:

«Странный неопознанный объект летает над Стокгольмом. Очевидцы сообщают, что за последнее время неоднократно видели в районе Вазастана некий летающий предмет, напоминающий по виду маленький пивной бочонок. Он издаёт звуки, похожие на гул мотора. Представители Авиакомпании ничего не смогли сообщить нам относительно этих полётов. Поэтому возникло предположение, что это иностранный спутник-шпион, запущенный в воздушное пространство с разведывательными целями. Тайна этих полётов должна быть раскрыта, а неопознанный объект – пойман. Если он действительно окажется шпионом, его необходимо передать для расследования в руки полиции.

Кто раскроет летающую тайну Вазастана?

Редакция газеты назначает вознаграждение в 10 000 крон. Тот, кому посчастливится поймать этот таинственный предмет, получит премию в 10 000 крон. Ловите его, несите в редакцию, получайте деньги!»

– Бедный Карлсон, который живёт на крыше, – сказала мама. – Теперь начнётся на него охота.

Малыш разом и испугался, и рассердился, и огорчился.

– Почему Карлсона не могут оставить в покое! – закричал он. – Он ведь не делает ничего плохого. Живёт себе в своём домике на крыше и летает взад-вперёд. Разве Карлсон в чём-то виноват?

– Нет, – сказал папа, – Карлсон ни в чём не виноват. Только он... как бы это сказать... ну, несколько необычен, что ли...

Да, что и говорить, Карлсон несколько необычен, с этим Малыш был вынужден согласиться. Разве обычно, когда в домике на крыше живёт маленький толстенький человечек да ещё с пропеллером на спине и с кнопкой на животе?

А ведь Карлсон был как раз таким человечком. И он был лучшим другом Малыша. Да, именно Карлсон, а не Кристер и Гунилла, которых Малыш тоже очень любил и с которыми играл, когда Карлсон вдруг исчезал куда-то или просто был занят.

Карлсон уверял, что Кристер и Гунилла не идут с ним ни в какое сравнение, и всякий раз сердился, когда Малыш о них заговаривал.

– Ставить этих карапузов на одну доску со мной! – возмущался Карлсон. – Со мной, таким красивым и в меру упитанным мужчиной в самом расцвете сил! Многим ли глупым мальчишкам посчастливилось иметь такого лучшего друга, как я? Ну, отвечай!

– Нет, нет, только мне одному, – говорил Малыш, и всякий раз сердце его замирало от радости. Как ему повезло, что Карлсон поселился на крыше именно его дома! Ведь в Вазастане полно таких вот старых, некрасивых домов, как тот, в котором жила семья Свантесонов! Какая удача, что Карлсон случайно оказался на его крыше, а не на какой-нибудь другой!

Правда, мама и папа Малыша сперва вовсе не были в восторге от того, что в доме появился Карлсон. И Боссе и Бетан поначалу его тоже невзлюбили. Вся семья – за исключением Малыша, конечно, – считала, что Карлсон – самый вздорный, самый дерзкий, самый несносный озорник, какой только бывает на свете. Но постепенно все к нему привыкли. Теперь Карлсон, пожалуй, им даже нравился, а главное, они понимали, что он необходим Малышу. Ведь Боссе и Бетан были гораздо старше его, поэтому Малыш никак не мог обойтись без лучшего друга. И хотя у него была собака – изумительный щенок Бимбо, – Карлсон ему был совершенно необходим.

– Я думаю, что и Карлсон не может обойтись без Малыша, – сказала мама.

Но с самого начала мама и папа решили никому не говорить о существовании Карлсона. Они прекрасно понимали, что будет твориться в их доме, если о Карлсоне узнают на телевидении, а газеты и журналы захотят печатать о нём статьи, скажем, под заголовком: «Карлсон у себя дома».

– Вот будет смешно, – сказал Боссе, – если мы вдруг увидим в каком-нибудь журнале фотографию Карлсона... Представляешь, он сидит у себя в гостиной, любуется букетом красных роз...

– Заглохни! – оборвал его Малыш. – Ты же знаешь, что у Карлсона никакой гостиной нет, у него всего-навсего одна комнатуха, и никаких роз там нет.

Да, всё это Боссе знал и сам. Однажды все они – и Боссе, и Бетан, и мама, и папа – правда, только один раз, видели домик Карлсона. Они вылезли на крышу через слуховое окно – обычно так лазают только трубочисты, – и Малыш показал им маленький домик за трубой.

Мама немножко испугалась, когда поглядела с крыши вниз, на улицу. У неё даже закружилась голова, и ей пришлось схватиться рукой за трубу.

– Малыш, обещай мне сейчас же, что ты никогда не полезешь на крышу один, – сказала она.

– Ладно, – буркнул Малыш, подумав. – Я никогда не полезу на крышу один... раз я полезу туда с Карлсоном, – добавил он шёпотом.

Но мама, видно, не расслышала его последних слов; ну и ладно, пусть она пеняет на себя. Как она может требовать, чтобы Малыш никогда не бывал у Карлсона? Мама ведь и понятия не имеет, как весело сидеть в тесной комнатке Карлсона, битком набитой всякими диковинными и чудными вещами.

«А теперь, после этой дурацкой статьи, всё, наверное, кончится!» – с горечью думал Малыш.

– Ты должен предупредить Карлсона, – сказал папа, – пусть будет поосторожней. Некоторое время ему лучше не летать по Вазастану. Вы можете играть в твоей комнате, тогда его никто не увидит.

– Но если он начнёт безобразничать, я его живо выставлю вон, – добавила мама и протянула Малышу тарелку с кашей.

Бимбо тоже получил свою порцию каши. Папа попрощался и пошёл на работу. И маме, как выяснилось, тоже надо было уходить.

– Я иду в бюро путешествий, чтобы узнать, нет ли там для нас какого-нибудь интересного маршрута. Папа на днях уходит в отпуск, – сказала она и поцеловала Малыша. – Я скоро вернусь.

И Малыш остался один. Один с Бимбо, с тарелкой каши и со своими мыслями. И с газетой. Он придвинул её к себе и стал разглядывать. Под заметкой о Карлсоне была напечатана фотография огромного белого парохода, который прибыл с туристами в Стокгольм и стоял теперь на якоре в Стрёмене. Малыш долго глядел на снимок – белый пароход был невероятно красив! Как Малышу захотелось подняться на борт этого прекрасного корабля и уплыть куда-нибудь далеко-далеко!

Он старался смотреть только на эту фотографию, но взгляд его то и дело соскальзывал на крупные буквы заголовка:

«Что это: летающий бочонок или нечто другое?»

Малыш очень разволновался. Необходимо как можно скорее поговорить с Карлсоном, но сделать это надо осторожно, чтобы не испугать его, а то он вдруг улетит и никогда больше не вернётся!

Малыш вздохнул. И нехотя сунул в рот ложку каши. Но кашу не проглотил, а держал её на языке, словно желал получше распробовать. Малыш был маленьким худеньким мальчиком с плохим аппетитом – таких ведь немало. Он мог часами сидеть перед тарелкой с едой и вяло ковырять ложкой или вилкой, но так и не доесть до конца.

«Что-то каша невкусная, – подумал Малыш. – Может, будет вкуснее, если добавить сахарку...» Он потянулся за сахарницей, но в эту минуту услышал гул мотора у окна, и тут же в кухню влетел Карлсон.

– Привет, Малыш! – крикнул он. – Ты знаешь, кто лучший в мире друг? А ещё угадай, почему этот друг появился здесь именно сейчас!

Малыш поспешно проглотил кашу, которую так долго держал во рту.

– Лучший в мире друг – это ты, Карлсон! Но я не знаю, почему ты прилетел именно сейчас.

– Чур, гадать до трёх раз! – сказал Карлсон. – Может, потому что я соскучился по тебе, глупый мальчишка? Может, я попал сюда по ошибке, а собирался вовсе слетать в Королевский парк? А может, я почуял, что здесь пахнет кашей? Раз, два три, говори, не задерживайся!..

Малыш засиял.

– Наверное, потому что ты по мне соскучился, – сказал он смущённо.

– А вот и нет! И в Королевский парк я тоже лететь не собирался. Так что гадать тебе больше нечего.

«Королевский парк! – с ужасом подумал Малыш. – Туда Карлсону никак нельзя лететь. Да и вообще ему нельзя туда, где полным-полно народа, где его увидят. Придётся ему это сейчас объяснить».

– Слушай, Карлсон... – начал Малыш и тут же умолк, потому что вдруг заметил, что Карлсон чем-то явно недоволен.

Он угрюмо глядел на Малыша и чмокал губами.

– Приходишь голодный как пёс, – ворчал Карлсон, – а этот сидит себе как ни в чём не бывало перед полной тарелкой каши, вокруг шеи у него повязана салфетка, и он бубнит себе под нос, что надо съесть ложку за маму, ложку за папу, ложку за тётю Августу...

– За какую тётю Августу? – спросил Малыш, сгорая от любопытства.

– Понятия не имею, – ответил Карлсон.

– Так зачем же есть кашу за её здоровье? – рассмеялся Малыш.

Но Карлсону было не до смеха.

– Ах, вот как! Значит, твой друг должен умереть с голоду только потому, что ты не знаешь каких-то там старых тёток, которые живут где-то у чёрта на рогах!

Малыш вскочил, вынул из буфета тарелку и сказал Карлсону, чтобы он сам положил себе сколько хочет. Всё ещё мрачный как туча, Карлсон взял кастрюлю и принялся накладывать кашу в тарелку. Он накладывал и накладывал, а когда выскреб всё до дна, стал водить указательным пальцем по стенке кастрюли, отколупывая и то, что прилипло.

– У тебя не мама, а золото, – сказал Карлсон, – жаль только, что она такая жадная. Никогда не видел, чтобы варили так мало каши.

Только после того как вся каша до последней крупинки оказалась у Карлсона в тарелке, он приступил к еде, да так, что за ушами трещало. На несколько минут все звуки в кухне заглушило громкое чавканье, которое всегда раздаётся, когда кто-нибудь очень жадно уплетает кашу.

– К сожалению, за здоровье тёти Августы уже съесть нечего, – заявил Карлсон и вытер ладонью рот. – Но что я вижу! Здесь есть булочки! Спокойствие, только спокойствие. Милая тётя Августа, всё в порядке, живи спокойно-преспокойно в своём далёком городке Тумбе или где хочешь. Я съем за твоё здоровье вместо каши две булочки. А может, даже три... или четыре... или пять!

Пока Карлсон заглатывал одну за другой булочки, Малыш тихо сидел и обдумывал, как ему поумнее предостеречь своего друга. «Может, правильнее всего просто дать Карлсону газету? Пусть сам всё прочтёт», – решил он и после некоторого колебания придвинул газету к Карлсону.

– Погляди-ка на первую страницу, – сказал Малыш мрачно.

Карлсон поглядел. И надо сказать, с большим интересом, а потом ткнул пухлым пальчиком в фотографию белого парохода.

– Ба-бах! Пароход перевернулся! – воскликнул он. – Катастрофа за катастрофой!

– Да ты же держишь газету вверх ногами, – мягко сказал Малыш.

Он давно подозревал, что Карлсон не умеет читать. Но Малыш был добрым мальчиком, он никого не хотел обижать, и, уж конечно, не хотел обижать Карлсона, поэтому он не стал кричать: «Ха-ха-ха, ты не умеешь читать!» – а молча перевернул газету так, что Карлсон тут же увидел, что никакого несчастья не произошло.

– Но здесь написано про другое несчастье, – сказал Малыш. – Послушай только!

И он прочёл вслух про летающий бочонок и про спутника-шпиона, которого необходимо было поймать, и про вознаграждение, назначенное газетой, – всю заметку от начала до конца...

– «Доставьте его в редакцию, и вы получите указанную сумму», – закончил он чтение и вздохнул.

Но Карлсон не вздыхал, совсем наоборот, он был в восторге.

– Гоп-гоп! – выкрикивал он и прыгал на месте от радости. – Гоп-гоп, можно считать, что спутник-шпион уже пойман! Звони в редакцию и скажи, что я приду к ним после обеда.

– Что ты задумал? – с испугом спросил Малыш.

– Знаешь, кто лучший в мире охотник за спутниками-шпионами? – И Карлсон с гордым видом ткнул себя пальцем в грудь. – Вот он, грозный Карлсон! Никто не спасётся, когда я лечу со своим большим сачком. Раз спутник-шпион кружится где-то здесь, в районе Вазастана, я до вечера наверняка поймаю его сачком... Кстати, у тебя есть чемодан, чтобы нам унести десять тысяч?

Малыш вновь вздохнул. Всё оказалось куда сложнее, чем он думал. Карлсон ничего не подозревал.

– Милый Карлсон, неужели ты не догадался, что «летающий бочонок» – это ты, что это они за тобой охотятся? Теперь понял?

Карлсон очередной раз подпрыгнул от радости, и вдруг до него дошёл смысл этих слов. В горле у него что-то заклокотало, словно он поперхнулся, и он окинул Малыша яростным взглядом.

– «Летающий бочонок»! – завопил он. – Ты меня обзываешь летающим бочонком! Ты, мой лучший друг!

Он вскинул руки, чтобы казаться как можно длиннее, и одновременно втянул живот.

– Ты, я вижу, забыл, – начал он свысока, – что я красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил. Так или не так?

– Конечно, Карлсон, т-так... – залепетал Малыш, заикаясь от волнения. – Но я не виноват, что они это пишут в газете. А они имеют в виду тебя, это точно.

Карлсон злился всё больше и больше.

– «Кому посчастливится поймать этот таинственный предмет...» – с горечью повторил он снова слова заметки. – «Предмет»! – выкрикнул он, окончательно выходя из себя. – Кто-то смеет обзывать меня предметом! Я этому гаду так врежу по переносице, что у него глаза на лоб ползут!

И Карлсон сделал несколько маленьких, но угрожающих прыжков в сторону Малыша. И зря. Потому что Бимбо тут же вскочил. Уж он-то никому не позволит тронуть Малыша.

– Бимбо, на место, успокойся! – скомандовал Малыш. И Бимбо послушался, только поворчал немного, чтобы Карлсон понял, что он на страже.

А Карлсон сел на скамеечку. Вид у него был мрачный и невыразимо печальный.

– Я так не играю, – сказал он. – Я так не играю, раз ты такой злой и называешь меня предметом, и натравливаешь на меня своих дурацких собак.

Малыш совсем растерялся. Он не знал, что сказать, что сделать.

– Я не виноват, что так пишут в газете, – пробормотал он снова и умолк.

Карлсон тоже молчал и с печальным видом сидел на скамеечке. В кухне воцарилась тягостная тишина.

И вдруг Карлсон громко расхохотался. Он вскочил со скамеечки и добродушно ткнул Малыша кулачком в живот.

– Уж если я предмет, то, во всяком случае, самый лучший в мире предмет, который стоит десять тысяч крон! Понял? Да?

Малыш тоже стал смеяться – от радости, что Карлсон снова развеселился.

– Да, это верно, – подтвердил он, – ты стоишь десять тысяч крон. Думаю, мало кто стоит так дорого.

– Никто в мире, – твёрдо заявил Карлсон. – Спорим, что такой вот глупый мальчишка, как ты, стоит не больше ста двадцати пяти крон.

От избытка чувств он нажал стартовую кнопку на животе, взмыл к потолку и с радостными воплями сделал несколько кругов вокруг лампы.

– Гей-гоп! – кричал он. – Вот летит Карлсон, который стоит десять тысяч крон! Гей-гоп!

Малыш решил махнуть на всё рукой. Ведь Карлсон на самом деле вовсе не был шпионом – значит, его могут задержать только за то, что он Карлсон. Малыш вдруг понял, что мама и папа испугались не за Карлсона, а за свой покой. Они просто боялись, что если все будут ловить Карлсона, то скрывать его существование уже не удастся. Малышу показалось, что Карлсону всерьёз ничего не угрожает.

– Тебе нечего бояться, Карлсон, – сказал он, стараясь его успокоить. – Тебе ничего не могут сделать за то, что ты – это ты.

– Конечно, каждый имеет право быть Карлсоном, – подхватил Карлсон. – Хотя до сих пор нашёлся только один такой хороший и в меру упитанный экземпляр.

Они снова стояли рядом посреди комнаты Малыша, и Карлсон с надеждой и нетерпением оглядывался по сторонам.

– Нет ли у тебя новой паровой машины, которую мы могли бы взорвать? Или ещё чего-нибудь интересного? Главное, чтобы загрохотало вовсю. Давай устроим сейчас немыслимый грохот. Я хочу позабавиться: а то я не играю, – сказал он, и в ту же секунду взгляд его упал на пакетик, который лежал на столе у Малыша.

Он кинулся на него, словно коршун на добычу. Мама положила Малышу этот пакетик вчера вечером, а в нём был прекрасный персик. И вот теперь этот персик Карлсон жадно сжимал пухленькими пальцами.

– Мы его разделим, ладно? – торопливо предложил Малыш. Он тоже любил персики и знал, что нельзя зевать, если хочешь его хоть попробовать.

– Хорошо, – согласился Карлсон, – разделим! Я возьму себе персик, а ты – пакетик. Учти, я уступаю тебе лучшую часть: с пакетиком можно знаешь сколько интересных штук придумать!

– Нет, спасибо! – твёрдо сказал Малыш. – Мы сперва разделим персик, а потом я тебе охотно уступлю пакетик.

Карлсон неодобрительно покачал головой.

– Никогда ещё не встречал таких прожорливых мальчишек, как ты! – вздохнул он. – Ну ладно, раз уж ты так настаиваешь...

Чтобы разделить персик, нужен был нож, и Малыш побежал в кухню. А когда он вернулся с ножом, Карлсон исчез. Но Малыш тут же услышал, что из-под стола доносилось чавканье и причмокивание, словно кто-то торопливо ел что-то очень сочное.

– Послушай, что ты там делаешь? – с тревогой спросил Малыш.

Когда Карлсон вылез из-под стола, персиковый сок стекал у него с подбородка. Он протянул свою пухлую ручку и сунул Малышу большую шершавую тёмно-красную косточку.

– Заметь, я всегда отдаю тебе самое лучшее, – заявил он. – Если ты посадишь эту косточку, у тебя вырастет целое персиковое дерево, всё увешанное сочными персиками. Ну, кто самый большой добряк в мире? Я ведь даже не устраиваю никакого скандала, хоть и получил от тебя только один паршивенький персик!

Но Малыш, если бы и захотел, не успел бы ничего ответить, потому что в мгновение ока Карлсон очутился у окна, где на подоконнике стоял горшок с бегонией, и схватил цветок за стебель.

– Я такой добрый, что сам помогу тебе посадить эту косточку, – заявил он.

– Не трогай! – крикнул Малыш.

Но было уже поздно: Карлсон вырвал бегонию с корнем и вышвырнул в окно.

– Ты что, ты что?! – завопил Малыш, но Карлсон его не слушал.

– Целое большое персиковое дерево! Представляешь? На своём пятидесятилетии ты каждому гостю – каждому-каждому, понял! – дашь по персику. Разве это не интересно?

– Но ещё интересней будет, когда мама заметит, что ты выбросил её бегонию, – сказал Малыш. – И подумай, вдруг сейчас мимо дома шёл какой-нибудь старичок и цветок угодил ему как раз по башке. Что он скажет, как ты считаешь?

– «Спасибо, дорогой Карлсон!» – вот что он скажет, – уверял Карлсон Малыша. – «Спасибо, дорогой Карлсон, что ты вырвал бегонию с корнем, а не швырнул её вниз прямо в горшке... как этого хотела бы глупая мама Малыша».

– Вовсе она этого не хотела бы! – запротестовал Малыш. – Почему ты так говоришь?

Карлсон успел тем временем ткнуть косточку в горшок и теперь энергично засыпал её землёй.

– Нет, хотела! – не сдавался Карлсон. – Она, видите ли, не позволяет вытаскивать бегонии из горшка. А что это может стоить жизни ни в чём не повинному старичку, мирно идущему по улице, – это твою маму не волнует. «Одним стариком больше, одним меньше – это пустяки, дело житейское, – говорит она, – только бы никто не трогал мою бегонию».

Карлсон гневно глядел на Малыша.

– И в конце концов, если бы я выкинул бегонию с горшком, куда мы посадили бы персиковую косточку? Подумал ли ты об этом?

Малыш об этом не подумал, поэтому он не знал, что ответить. Спорить с Карлсоном было нелегко, особенно когда он бывал в настроении спорить. Но, к счастью, настроение у него менялось каждые пятнадцать минут. Вот и теперь он вдруг издал какой-то странный, но явно радостный звук, похожий на кудахтанье.

– Мы же забыли про пакет! – воскликнул он. – А с пакетом можно отлично позабавиться. Этого Малыш прежде не знал.

– Ну да? – удивился он. – Что же можно сделать с пакетом?

Глаза Карлсона заблестели.

– Издать самый громкий в мире хлоп! – объявил он. – Гей-гоп, какой сейчас будет изумительный хлоп! Вот этим мы и займёмся.

Он схватил пакет и со всех ног побежал в ванную комнату. Малыш, раздираемый любопытством, бросился за ним. Ему очень хотелось узнать, как делают самый громкий в мире хлоп.

Карлсон стоял, наклонившись над ванной, и наполнял пакет водой.

– Ты глупый, да? Разве можно лить воду в бумажный пакет? Неужели ты этого не понимаешь?

– А что такое? – спросил Карлсон и помахал пакетом с водой у Малыша перед носом, чтобы Малыш воочию убедился, что в бумажный пакет можно лить воду, а потом стремглав кинулся назад в комнату Малыша.

Малыш побежал за ним, полный дурных предчувствий. И они оправдались... Карлсон весь высунулся из окна так, что видны были только его толстые короткие, пухленькие ножки.

– Гей-гоп, – завопил он, – погляди вниз, сейчас я произведу самый сильный в мире хлоп!

– Стой! – крикнул Малыш и тоже лёг на подоконник. – Не надо, Карлсон, не надо! – молил он испуганно.

Но было уже поздно. Мешок полетел вниз, и Малыш увидел, как он разорвался, словно бомба, у ног какой-то тётеньки, которая шла в молочное кафе в соседний дом. И было ясно, что этот самый громкий в мире хлоп ей решительно не понравился.

– Гляди, – сказал Карлсон, – она ахнула, словно мы сбросили горшок с фикусом, а не полтора стакана воды.

Малыш с грохотом захлопнул окно. Он не хотел, чтобы Карлсон продолжал выбрасывать на улицу разные вещи.

– Я думаю, что этого нельзя делать, – сказал Малыш серьёзно, но Карлсон в ответ только расхохотался.

Он несколько раз облетел вокруг лампы и, не переставая хихикать, приземлился возле Малыша.

– «Я думаю, что этого делать нельзя»! – передразнил он Малыша. – А что, по-твоему, можно? Швырнуть вниз пакеты с тухлыми яйцами? Это тоже одна из странных фантазий твоей мамы?

Карлсон снова взлетел и снова грузно шмякнулся на пол как раз перед Малышом.

– Могу сказать, что вообще ты и твоя мама самые странные люди на свете, но всё же я вас люблю. – Карлсон потрепал Малыша по щеке.

Малыш покраснел, так он был счастлив. Карлсон его любил, это замечательно! Да и маму он любил тоже, это ясно, хотя часто плёл про неё невесть что.

– Да сам удивляюсь, – подтвердил Карлсон, продолжая похлопывать Малыша по щеке.

Он хлопал его долго и всё более и более увлечённо. Последний хлопок походил уже скорее на пощёчину, и тогда Карлсон сказал:

– Ой, до чего же я милый! Я самый милый в мире! И я думаю, что поэтому мы сейчас поиграем во что-нибудь совсем милое, ты согласен?

Малыш был, конечно, согласен, и он тут же стал лихорадочно соображать, во что бы такое милое поиграть с Карлсоном.

– Вот, например, – предложил Карлсон, – мы могли бы играть, что стол – это наш плот, на котором мы спасаемся от наводнения... а оно, кстати, как раз и начинается.

И он показал на струйку воды, которая подтекла под дверь.

У Малыша перехватило дыхание.

– Ты что, не закрыл кран в ванной? – спросил он с ужасом.

Карлсон наклонил голову и ласково поглядел на Малыша.

– Угадай, закрыл ли я кран или нет! До трёх раз!

Малыш распахнул дверь в прихожую. Карлсон был прав. Великое наводнение началось. Ванная и прихожая были залиты водой, она стояла уже так высоко, что в ней можно было плескаться, если была охота. А Карлсону была охота. Он с восторгом прыгнул прямо в воду.

– Гей-гоп! – кричал он. – Бывают же дни, когда случаются только прекрасные вещи!

Малыш закрыл кран в ванной и выпустил из неё воду, а потом опустился на стул в прихожей и с отчаянием уставился на пол.

– Ой, – сказал он тихо, – ой, что скажет мама?

Карлсон перестал прыгать в воде и с обидой посмотрел на Малыша.

– Ну знаешь, это уж слишком! – возмутился он. – Что же она такая ворчунья, твоя мама! Несколько ведёр самой обыкновенной воды... есть о чём говорить!

Он снова подпрыгнул, да так высоко, что обрызгал Малыша с головы до ног.

– Приятная водичка, – сказал он. – А заодно и ножная ванна. Она что, возражает против мытья ног?

И он ещё раз прыгнул, и снова Малыша обдало брызгами.

– Неужели твоя мама никогда не делает ножных ванн? И все дни напролёт швыряет из окон цветочные горшки? Так, что ли?

Малыш ничего не ответил. Он думал. Надо было во что бы то ни стало всё убрать до прихода мамы.

– Карлсон, мы должны поскорее...

Он не договорил, а вскочил со стула и помчался на кухню. И тут же вернулся с половой тряпкой.

– Давай, Карлсон, помогай... – начал он, но вдруг обнаружил, что Карлсона в комнате нет. Его не было ни в прихожей, ни в ванной – нигде. Но всё время Малыш слышал гул моторчика. Он подбежал к окну и увидел, что ввысь взмыло нечто напоминающее толстенькую сардельку.

– Летающий бочонок или нечто другое? – пробормотал Малыш.

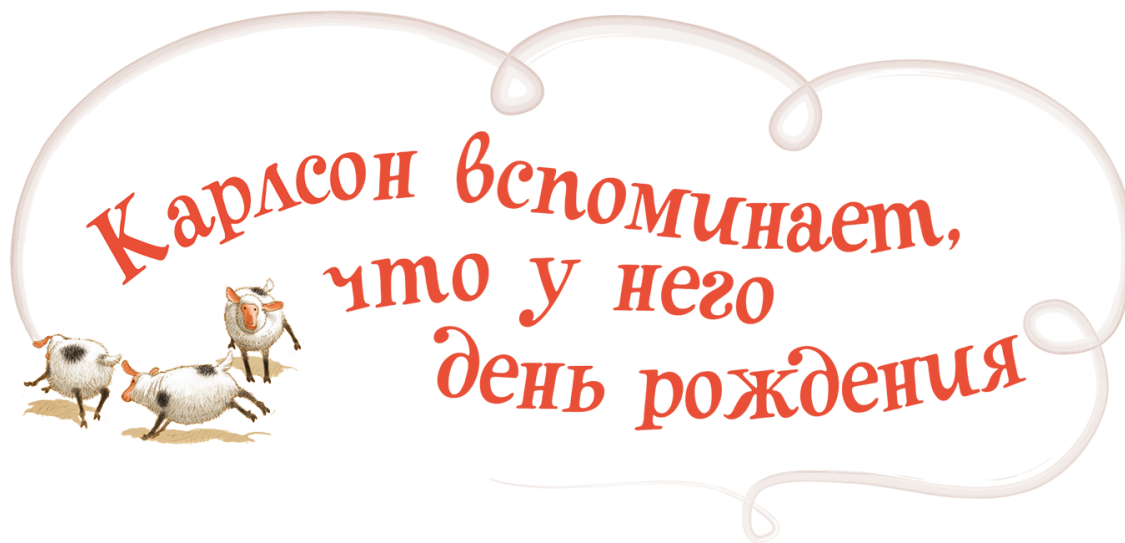
Нет, это был не летающий бочонок, а всего-навсего Карлсон, который возвращался в свой зелёный домик на крыше.

Но тут Карлсон заметил Малыша. Он спикировал вниз и промчался мимо окна на такой скорости, что воздух засвистел. Малыш восторженно замахал ему тряпкой, и Карлсон махнул в ответ своей пухленькой ручкой.

– Гей-гоп! – кричал он. – Вот летит Карлсон, который стоит десять тысяч крон. Гей-гоп! И он улетел. А Малыш стал собирать тряпкой воду с пола прихожей.

Карлсон вспоминает, что у него день рождения

Карлсону повезло, что его не было, когда мама вернулась из бюро путешествий, потому что она всерьёз рассердилась и из-за исчезнувшей бегонии, и из-за наводнения, хотя Малыш успел кое-как вытереть пол.

Мама сразу поняла, кто всё это натворил, и даже рассказала папе, когда он пришёл обедать.

– Может, это и нехорошо с моей стороны, – сказала мама, – потому что я к Карлсону за последнее время стала понемногу привыкать, но знаете, я сейчас сама готова заплатить десять тысяч крон, только бы от него отделаться.

– Ой, что ты! – воскликнул Малыш.

– Ладно, не будем сейчас больше об этом говорить, – сказала мама, – потому что во время еды надо, чтобы было весело.

Мама часто это повторяла: «Во время еды надо, чтобы было весело». И Малыш тоже так думал. А им, право же, всегда было весело, когда они все вместе сидели за столом и болтали о чём попало. Малыш больше говорил, чем ел, особенно когда на обед была варёная треска, или овощной суп, или селёдочные котлеты. Но сегодня мама подала им телячьи отбивные, а на сладкое – клубнику, потому что начались летние каникулы и Боссе и Бетан уезжали из дома. Боссе – в яхтклуб, учиться парусному спорту, а Бетан – на крестьянский хутор, где много лошадей. Так что это был прощальный обед, и мама постаралась, чтобы он превратился в маленький пир.

– Не огорчайся, Малыш, – сказал папа. – Мы тоже уедем втроём – мама, ты и я.

И он рассказал – великая новость! – что мама была в бюро путешествий и заказала билеты на точно такой же пароход, как тот, что был изображён на фотографии в газете. Через неделю он уйдёт в море, и целых пятнадцать дней они будут плыть на этом огромном белом пароходе и заходить в разные порты.

– Разве это не замечательно? – спросила мама Малыша.

И папа его спросил. И Боссе и Бетан тоже.

– Разве это не здорово, Малыш?

– Ага! – согласился Малыш.

И он в самом деле думал, что это наверняка будет здорово. Но вместе с тем понимал, что что-то во всём этом есть и не очень правильное, даже знал, что именно: Карлсон! Как он может бросить Карлсона одного именно в тот момент, когда он действительно ему нужен! И хотя

Карлсон никакой не шпион, а просто Карлсон, опасность ему всё равно угрожает, если люди начнут за ним охотиться, чтобы получить десять тысяч крон. Малыш думал об этом всё время, пока вытирал пол после великого наводнения. Кто знает, что кому может взбрести в голову. Вдруг они посадят Карлсона в клетку в зоопарке или придумают что-нибудь ещё более ужасное. Во всяком случае они не дадут Карлсону спокойно жить в маленьком домике на крыше. Уж это точно!

И Малыш решил остаться дома и охранять Карлсона. Он тут же, ещё сидя за столом и уплетая телячью отбивную, объяснил всем, почему он не может никуда ехать.

Боссе расхохотался.

– Карлсон в клетке, это да!.. Ой, представь себе, Малыш, что ты с классом придёшь в зоопарк поглядеть на разных зверей и вы будете читать, что написано на табличках. Вот ты и прочтёшь на одной: «Медведь белый», а на другой: «Лось сохатый», или: «Волк степной», или там «Бобёр обыкновенный», и вдруг: «Карлсон летающий».

– Не смей! – вскипел Малыш.

Но Боссе продолжал хохотать.

– «Карлсон летающий, просьба этого зверя не кормить». Представляешь, как бы он озвучил, если бы это написали на его клетке!

– Дурак, – сказал Малыш. – Просто дурак.

– Но, Малыш, пойми, если ты не поедешь, значит, и мы не сможем поехать, – сказала мама.

– Спокойно сможете, – возразил Малыш. – А мы с Карлсоном будем вместе вести хозяйство.

– Ха-ха! И затопим весь дом, да? И вышвырнем из окон всю мебель на улицу! – захохотала Бетан.

– Дура, – сказал Малыш.

На этот раз сидеть за обеденным столом оказалось не так весело, как обычно. И хотя Малыш был мальчиком милым и добрым, он мог иногда вдруг удивительно заупрямиться. Вот и сейчас он стал твёрд как камень и не проявлял никакой склонности вести переговоры.

– Но послушай, Козлёнок... – начал было папа, но так и не смог закончить, потому что в эту минуту что-то опустили в почтовый ящик на двери и Бетан выскочила из-за стола, даже не попросив разрешения.

Она ждала письмо от какого-то длинноволосого мальчишки, поэтому пулей вылетела в прихожую. В ящике и в самом деле лежало письмо, но не Бетан от длинноволосого мальчишки, а папе от дяди Юлиуса, который был совершенно лысый.

– Во время еды должно быть весело, – сказал Боссе. – А это значит, что во время еды не должны приходить письма от дяди Юлиуса.

Дядя Юлиус был дальним родственником папы и раз в год приезжал в Стокгольм, чтобы посоветоваться со своим врачом и погостить у Свантесонов. Дядя Юлиус не желал жить в гостинице, он считал, что это слишком дорого. Впрочем, денег у него было очень много, но он не любил их тратить.

Никто у Свантесонов не радовался приезду дяди Юлиуса. И меньше всех папа. Но мама всегда при этом говорила:

«Ты ведь его единственный родственник, у него никого нет, кроме тебя, его просто жаль. Мы должны быть добры к бедному дяде Юлиусу».

Но стоит бедному дяде Юлиусу прожить в доме дня два, мучить детей своими непрерывными замечаниями, привередничать за столом и ныть по всякому поводу, как у мамы на лбу появляется складка и она становится такой же молчаливой и напряжённой, каким всегда бывал папа с той самой минуты, как дядя Юлиус переступал порог их дома. А Боссе и Бетан так стараются не попадаться на глаза старику, что почти не бывают дома, когда он у них гостит.

«Только Малыш к нему добр», – говорила мама.

Но и у Малыша стало иссякать терпение, и когда дядя Юлиус гостил у них в прошлый раз, он нарисовал его портрет в своём альбоме, а под рисунком написал: «Болван».

Дядя Юлиус случайно увидел этот рисунок и сказал:

«Плохо ты нарисовал лошадь».

Ну конечно, дядя Юлиус считал, что все всё делают плохо. Короче, это уж точно был нелёгкий гость, и, когда он уложил наконец свои вещи в чемодан и уехал домой, в Вестергётланд, Малышу показалось, что дом вдруг расцвёл и в комнатах зазвенела весёлая музыка. Все стали оживлённы и общительны, словно случилось что-то очень приятное, а ведь на самом-то деле ничего не случилось, просто уехал бедный дядя Юлиус.

И вот теперь, как было написано в письме, он снова собирался приехать и пробыть у них никак не меньше двух недель. Пусть они не беспокоятся, он уверен, что приятно и с пользой проведёт это время, тем более что доктор предписал ему курс уколов и массаж: по утрам у него почему-то немеет тело.

– Ну вот, в кои-то веки собрались попутешествовать... – вздохнула мама. – А Малыш не хочет с нами ехать, да ещё приезжает в гости дядя Юлиус!

Но тут папа стукнул кулаком по столу и сказал, что лично он непременно отправится в путешествие и во что бы то ни стало возьмёт с собой маму, даже если ему для этого придётся её похитить. А Малыш может поступать, как ему вздумается: захочет – поедет с ними, нет – останется дома. Пусть сам решает. Что же касается дяди Юлиуса, то он волен приезжать

и жить у них в квартире и ходить к докторам столько, сколько его душе угодно, а если ему это не подходит, может с тем же успехом остаться у себя в Вестергётланде, во всяком случае – папа это заявил со всей определённойостью – он отправится в положенный день на пристань, сядет на пароход, и даже десять дядей Юлиусов его не остановят.

– Да, конечно, – сказала мама, – но всё это надо как следует обдумать.

А когда мама всё обдумала, то сказала, что попросит фрёкен Бок: может быть, она согласится помогать по хозяйству двум упрямым холостякам – Малышу и дяде Юлиусу.

– Не двум, а трём, – сказал папа. – Третьего упрямого холостяка зовут Карлсон, который живёт на крыше. Не забудьте про Карлсона, ведь он будет торчать здесь целыми днями.

Боссе так хохотал, что чуть не свалился со стула.

– Домомучительница, дядя Юлиус и Карлсон – вот какая компания подобралась!

– И плюс Малыш. Не забывайте про него, пожалуйста, – сказала Бетан.

Она обхватила Малыша обеими руками и с неподдельным изумлением поглядела ему в глаза.

– Ведь бывают же на свете такие люди, как мой младший брат! – сказала она. – Он отказывается от замечательного путешествия с мамой и папой ради того, чтобы остаться дома в обществе домомучительницы, дяди Юлиуса и Карлсона, который живёт на крыше.

– Раз у тебя есть лучший друг, его нельзя бросать.

Не думайте, что Малыш не понимал, как ему будет трудно! Немыслимо трудно будет с Карлсоном, который начнёт летать вокруг дяди Юлиуса и фрёкен Бок. Нет, что и говорить, кто-нибудь должен остаться дома и всё распутывать.

– И этим «кто-нибудь» буду я, больше некому понимаешь, Бимбо? – сказал Малыш, когда он уже лежал в постели, а рядом, в корзинке, сопел Бимбо.

Малыш протянул указательный палец и почесал Бимбо под ошейником.

– А теперь нам лучше всего поспать, – сказал он, – утро вечера мудренее.

Но тут послышался шум мотора, и в комнату влетел Карлсон.

– Ну и история со мной приключилась! – воскликнул он. – Решительно всё надо самому держать в голове: если что забудешь – конец, рассчитывать не на кого!..

Малыш сел в кровати.

– А что ты забыл?

– Я забыл, что у меня день рождения! Весь длинный сегодняшний день у меня, оказывается, день рождения, я просто об этом совершенно забыл, и никто, никто не сказал: «Поздравляю тебя, дорогой Карлсон».

– Не понимаю, – удивился Малыш, – как у тебя может быть день рождения сегодня, восьмого июня? Я же помню, что у тебя день рождения в апреле.

– Точно, был, – подтвердил Карлсон. – Но почему день рождения должен у меня быть всегда в один и тот же день, когда есть столько других прекрасных дней. Восьмого июня, например, – вполне прекрасный день, почему же мне его не выбрать для дня рождения? Может, ты против?

Малыш рассмеялся.

– Нет, я «за»! Пусть у тебя будет день рождения всегда, когда тебе хочется.

– Тогда, – начал Карлсон и умильно склонил голову набок, – тогда я попрошу дать мне мои подарки.

Малыш вышел из постели в глубокой задумчивости. Не так-то легко было тут же найти для Карлсона подходящий подарок, но он решил всё же попробовать.

– Сейчас погляжу у себя в ящиках, – сказал он.

– Хорошо, – согласился Карлсон и приготовился терпеливо ждать. Но тут взгляд его упал на цветочный горшок, в который он посадил персиковую косточку. Недолго думая Карлсон кинулся к горшку и пальцем быстро выковырял косточку из земли. – Нужно посмотреть, растёт она или нет. Ой, гляди, по-моему, она стала намного больше, – отметил он и, снова сунув

косточку в землю, обтёр грязные пальцы о пижаму Малыша. – Лет через двадцать тебе будет здорово, – сказал он.

– Почему? – удивился Малыш.

– Потому что ты сможешь спать днём в тени персикового дерева! Здорово, правда? Да, кровать тебе, конечно, придётся выбросить, мебель вообще как-то не подходит к персиковому дереву... Так, а где мои подарки?

Малыш вытащил одну из своих маленьких машинок, но Карлсон покачал головой. Тогда Малыш показал ему сперва игру-головоломку, потом «Конструктор», потом мешочек с разноцветными камушками, но Карлсон всякий раз молча качал головой. И тогда Малыш наконец догадался, что Карлсон хочет получить: пистолет! Он давно уже лежал в верхнем ящике письменного стола в спичечном коробке. Это был самый маленький в мире пистолет и, конечно, самый прекрасный. Папа привёз его Малышу из-за границы, и Кристер, и Гунилла в своё время ему очень завидовали, потому что они в жизни не видели таких малюсеньких пистолетов. Он выглядел точь-в-точь как самый настоящий, а стрелял почти так же громко, как большой. Совершенно непонятно, говорил папа, как эта малютка может так громко стрелять.

– Будь осторожен и не стреляй, а то люди вокруг будут пугаться, – сказал папа, когда положил эту крохотульку Малышу на ладонь.

По понятной причине Малыш решил тогда не показывать этот пистолетик Карлсону. Впрочем, Малыш и сам знал, что не очень красиво с его стороны таить от друга игрушку. Да к тому же это оказалось бессмысленным, потому что Карлсон сам обнаружил пистолетик, когда рылся в его ящике.

Карлсону этот пистолетик, конечно, тоже необычайно понравился. «Может, поэтому он и решил устроить себе сегодня день рождения», – подумал Малыш и, глубоко вздохнув, достал коробок из ящика.

– Поздравляю тебя, дорогой Карлсон! – сказал он.

Карлсон издал дикий вопль, бросился к Малышу и поцеловал его в обе щеки, потом открыл коробок и с радостным кудахтаньем вынул пистолетик.

– Ты лучший в мире друг! – сказал он.

И Малыш вдруг почувствовал себя счастливым, таким счастливым, словно у него было ещё сто таких пистолетиков.

– Понимаешь, – сказал Карлсон, – он мне в самом деле нужен. Сегодня вечером.

– Зачем? – с тревогой спросил Малыш.

– Чтобы, лёжа в постели, считать овец, – объяснил Карлсон.

Тут надо сказать, что Карлсон не раз жаловался Малышу, что плохо спит.

– По ночам, правда, я сплю как убитый, – говорил он. – И по утрам тоже. Но вот после обеда я лежу и ворочаюсь и не могу сомкнуть глаз.

Тогда-то Малыш и научил его, как надо бороться с бессонницей. Если вам не удаётся сразу заснуть, то нужно притвориться спящим и представить себе, что видишь стадо овец, которые прыгают через заборчик. И всех овец надо пересчитать одну за другой, как раз в момент, когда они взлетают над заборчиком, и в конце концов сон тебя обязательно одолеет.

– Понимаешь, я никак не мог заснуть сегодня вечером, – сказал Карлсон. – Я лежал и считал овец. И вот среди них была одна паршивая овца, которая никак не хотела прыгать, ну никак.

Малыш рассмеялся:

– Почему она не хотела прыгать?

– Чтобы меня помучить. Стоит себе у заборчика, переминается с ноги на ногу и ни с места. Тогда я подумал, что, если бы у меня был пистолет, я заставил бы её прыгнуть. И вспомнил, что у тебя, Малыш, в ящике письменного стола лежит маленький пистолетик, и тогда я решил, что сегодня у меня день рождения, – сказал Карлсон и радостно потрогал пистолетик.

Конечно, Карлсон тут же захотел испытать свой подарок.

– Проверка! – сказал он. – Сейчас как бабахну, знаешь, как будет весело! А не то я не играю.

Но Малыш сказал очень твёрдо:

– Нет! Мы перебудим весь дом.

Карлсон пожал плечами.

– Ну и что ж? Пустяки, дело житейское! Снова заснут. А если у них нет овец, чтобы считать, я им одолжу своих.

Но Малыш упёрся и ни за что не соглашался на испытание пистолета. Тогда Карлсон придумал такой выход.

– Мы полетим ко мне, – заявил он. – Всё равно ведь надо отпраздновать мой день рождения... Не найдётся ли у вас пирога?

Но пирога на этот раз не было, а когда Карлсон стал ворчать, Малыш сказал, что это, мол, пустяки, дело житейское.

– Запомни, – строго оборвал его Карлсон. – «Пустяки, дело житейское» про пироги не говорят. Но делать нечего, попробуем обойтись булочками. Беги и неси всё, что найдёшь!

Малыш пробрался в кухню и вернулся, нагруженный булочками. Мама разрешила ему в случае необходимости давать Карлсону булочку-другую. А сейчас необходимость в этом была.

Правда, мама не разрешала летать с Карлсоном на крышу, но об этом Малыш совсем забыл и искренне удивился бы, если бы кто-нибудь ему об этом напомнил. Он привык летать с Карлсоном и совсем не боялся, и даже сердце у него не ёкало, когда он, обхватив Карлсона руками за шею, стремительно взлетал ввысь, прямо к домику на крыше.

Таких июньских вечеров, как в Стокгольме, не бывает нигде. Нигде в мире небо не светится этим особым светом, нигде сумерки не бывают такими ясными, такими прозрачными, такими синими, что город и небо, отражённые в блёклых водах залива, кажутся совсем сказочными.

Такие вечера словно специально созданы для празднования дней рождения Карлсона в его домике на крыше. Малыш любовался сменой красок на небе, а Карлсон не обращал на это никакого внимания. Но когда они сидели вот так рядышком на крылечке, уплетали булочки и запивали их соком, Малыш ясно понимал, что этот вечер совсем не похож на другие вечера. А Карлсон так же ясно понимал, что эти булочки совсем не похожи на другие булочки, которые печёт мама Малыша.

«И домик Карлсона не похож ни на один домик в мире», – думал Малыш. Нигде нет такой уютной комнаты, и такого крылечка, и такого удивительного вида вокруг, и нигде не собрано вместе столько удивительных и на первый взгляд бессмысленных вещей, как здесь: Карлсон, как белка, набивал свой домик бог знает чем. Малыш не имел понятия, где Карлсон раздобыл все эти предметы. Большинство своих сокровищ Карлсон развешивал по стенам, чтобы их легко было найти в нужный момент.

– Видишь, какой у меня порядок. Всё-всё висит слева, кроме инструментов, а инструменты – справа, – объяснил Карлсон Малышу. – И картины тоже.

Да, на стене у Карлсона висели две прекрасные картины. Малыш очень любил на них смотреть. Их нарисовал сам Карлсон. На одной в самом углу листа была нарисована крошечная крылатая козявка, и картина называлась «Очень одинокий петух». На другой была изображена лисица, но картина при этом называлась «Портрет моих кроликов».

– Кроликов не видно, потому что они все у лисицы в животе, – пояснял Карлсон.

Набив рот булочкой, Карлсон сказал:

– Когда у меня будет время, я нарисую третью картину: «Портрет маленькой упрямой овцы, которая не хочет прыгать».

Но Малыш слушал его рассеянно, у него кружилась голова от звуков и запахов летнего вечера. Он уловил аромат цветущих лип с их улицы, слышал стук каблучков о плиты тротуара – много людей гуляло в этот ясный вечер. «Какой летний звук!» – подумал Малыш. Вечер был совсем тихий, и каждый шорох из соседних домов доносился до него удивительно отчётливо: люди болтали, и кричали, и пели, и бранились, и смеялись, и плакали – всё вперемешку.

И никто из них не знал, что на крыше высокого дома сидит мальчишка и вслушивается в это сплетение звуков, как в самую настоящую музыку.

«Нет, они не знают, что я сижу здесь с Карлсоном, и что мне так хорошо, и что я жую булочки и пью сок», – подумал счастливый Малыш.

Вдруг в ближайшей к ним мансарде раздались какие-то вопли.

– Слышал? Это мои хулиганы-сороканы, – объяснил Карлсон.

– Кто?.. Кто? Филле и Рулле?

Малыш тоже знал Филле и Рулле. Это были самые отпетые хулиганы и воры во всём Вазастане. Они тащили всё, что плохо лежало. Словно сороки. Поэтому Карлсон их звал «хулиганы-сороканы». Год назад они как-то вечером забрались в квартиру Свантесонов, чтобы обокрасть её, но Карлсон тогда поиграл с ними в привидения и так их напугал, что они это, верно, и по сей день не забыли. Даже серебряной ложечки им не удалось унести.

Когда Карлсон услышал вопли Филле и Рулле в мансарде, он решил вмешаться.

– Я думаю, сейчас самое время их немного попугать, – сказал он. – А не то мои хулиганы-сороканы отправятся на охоту за чужими вещами.

И они двинулись по скату крыши к мансарде жуликов. Малыш не предполагал, что можно так ловко прыгать на коротких толстых ногах: угнаться за Карлсоном было просто невозможно, тем более Малышу, который не так уж часто прыгал по крышам, но он изо всех сил старался не отстать от своего друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.